

© 2011 г.

Борис Рахаев

кандидат экономических наук, доцент
(e-mail: rahaevbm@mail.ru)

Ра Ха Ев

доктор экономических наук, профессор
(e-mail: rkhadis@yandex.ru)
(Кабардино-Балкарская государственная сельскохозяйственная академия)

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ: НАЗНАЧЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ

Авторами предложено новое толкование института, позволяющее раскрыть отдельные ранее не исследованные аспекты их функционирования и эволюции. Проведен анализ содержания хозяйственных институтов, выявлены основные элементы и алгоритм их образования и функционирования. Предложена периодизация «истории» хозяйственных институтов. Выявлены принципы и механизм взаимодействия хозяйственных институтов.

Ключевые слова: хозяйственные институты, эволюция, функции, алгоритм, институциональный регресс.

В литературе институты рассматриваются в качестве базисных структур общества. Однако, несмотря на большой объем их исследований, пока нет единства мнений относительно интерпретации понятия «институт»¹, нет полной ясности относительно того, как устроен институт, какой механизм лежит в основе структурирования основных элементов института, ведется ли структурирование самими нормами, содержащимися в институте, или же его осуществляет «среда обитания института», как взаимодействуют отдельные нормы функционирования института с внешней средой (непосредственно каждая сама по себе или через нечто общее).

¹ Литература по институтам огромна, многообразна и постоянно пополняется. Разнообразны также и взгляды на институты. Поэтому дать что-то, что было бы общепризнано, не просто. Тем не менее определенное представление можно получить, в частности, из следующих работ: Hamilton W.H. Institution // Encyclopedia of the Social Sciences. Vol.8 /Seligman E.R.A., Johnson A. (eds) N.Y.: Macmillan. 1932, P.84.; Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.1997; Фуруботн Э. Институты и экономическая теория. Достижения новой институциональной экономической теории. СПб, 2005; Серл Дж. Что такое институты? // Вопросы экономики, 2007. №8; Ходжсон Дж. Что такое институты? //Вопросы экономики, 2007. №8; Дементьев В. Что мы исследуем, когда мы исследуем институты //TERRA ECONOMICUS. 2009. Т.7. №1 и др.

В данной статье в качестве рабочей гипотезы институты рассматриваются как своеобразные социальные коммуникации, в которых происходит накопление, превращение, обмен и распространение информации. Данный, назовем его «информационный», аспект в понимании институтов в настоящее время наименее изучен. Его недостаточная разработанность в литературе и открывающиеся возможности для познания не только природы и характера институтов, но и всего, что с ними непосредственно связано, по нашему мнению, обязывают уделить ему повышенное внимание.

Среди множества проблем, с которыми сталкивается институциональная теория и практика, остановимся на двух: проблеме содержания институтов и проблеме их функционирования. Свои исследования проведем на примере одного из видов социальных институтов – хозяйственном институте.

Характер хозяйственных институтов. Очевидно, мы можем говорить не только о том, что первые хозяйственные институты создавались «на заре человеческой истории», но и о том, что образовавшееся в тот период их ядро в виде определенных норм, а также механизм их образования и функционирования лежат в основе всех современных хозяйственных институтов.

По мере развития человечества матрица поведения людей усложняется, возникают все новые и новые связи, которые объединяются в новые структурные сети и тем самым изменяют конфигурацию информационной сети. Впрочем, анализ показывает, что базовые элементы – нормы не изменяются, меняется сеть, ее конфигурация, объем и т.д. Появление речи, предметной деятельности, письменности, производство орудий труда, разделение труда и выделение новых видов деятельности, формирование иерархии отношений, собственности, выделение идеологии в самостоятельный вид деятельности и т.д. расширяет и усложняет сетевую структуру индивида и общества, но не меняют ядро института и механизм его функционирования. И в этой связи важно знать, как формируются множество и многообразие институтов? Первым напрашивается ответ, что это обусловлено комбинаторикой норм, лежащих в основе институтов. Но количество норм ограничено, а число институтов бесконечно. Поэтому путем простой комбинаторики базисных элементов такое количество институтов не получить. Другой вариант – селекция. Однако выясняется, что путем одной селекции (так называемого разумного, рационального отбора с помощью критерия целесообразности и т.п.) базовых элементов, нельзя объяснить не только многообразие институтов, но и их эволюцию: появление новых признаков, функций и т.д. Поэтому, очевидно, выход в другом.

В любой культурной среде без большого труда можно отыскать одинаковые институты, и эта стабильность норм дает основание для сравнения различных институтов как во времени, так и пространственно. В этой связи можно заметить, что, очевидно, решающее значение в эволюции институтов имеет не то, что происходит внутри самих институтов, т.е. наличие тех или иных норм, а пространственная конфигурация комплексов этих норм с внешней средой, т.е. то, с чем коррелирует и корреспондирует их развитие. Стало быть, «смысл» института заключается не в нормах, содержащихся в «оболочке» института, а в способах взаимодействия структурированных в схему норм института с внешней средой. Для понимания сказанного обратимся к одному из аспектов эволюции институтов.

Палеоэкономика или историческая экономика. Наблюдение за писаной историей позволяет заметить, что за время эволюции произошло расширение как видового, так и внутривидового типологического многообразия институтов. На наш взгляд, это говорит о том, что наблюдается процесс институтогенеза как вширь (расширяя видовое разнообразие институтов), так и вглубь (увеличивая количество институтов). Очевидно, что процесс этот имеет перманентный характер, хотя в разных обществах и на различных этапах их развития можно обнаружить периоды активной дифференциации существующих институтов, сменяющиеся периодом стабильности и застоя. Это важный аспект, и его разъясняет предложенная нами классификация институтов.¹ Предложено разбить институтогенез на три основных периода: палеогенный, мезогенный и неогенный, соответственно, древний, срединный и современный. Такая дифференциация позволяет не только определить общую траекторию хозяйственного институтогенеза, но и его так называемые локальные особенности.

В палеогене хозяйственные институты только зарождаются. Их немного. И характерной чертой является неразвитость и своеобразный синкретизм. Один и тот же институт регулирует жизнь индивида и сообщества во множестве областей жизнедеятельности. Причина такого состояния институтов — неразвитость индивидуальной социальной жизни людей. Поэтому многие аспекты социальных институтов палеогена идентичны не только у различных этносов, но и этосу некоторых видов животных;² можно сказать, что на хозяйственных (и в целом социальных)

¹ Рахаев Б., Ра Ха Ев Институты и их эволюция. Нальчик: КБГСХА, 2010.

² На этом основании отдельные исследователи отождествляют институт и этос. Полагаем это ошибка. Институт и этос — разные по природе явления. Многие аспекты этих раз-

институтах того времени лежит печать этоса. Но отождествлять человеческие/социальные институты и «институты животных» нельзя, даже не смотря на их внешнюю схожесть.¹ Первая дифференциация произойдет, как принято считать, с первым крупным разделением труда. Разделение труда, образование новых видов деятельности и дальнейший прогресс в этой области идут рука об руку с количественным и качественным ростом институтов. Эти два процесса как бы подталкивают друг друга.

Правда, динамика роста численности и тем более видового разнообразия институтов в палеогене незначительна, и связаны они с бедностью, однообразием самой жизни человека в этот период. Настоящий взрыв в институтогенезе произойдет в мезогене, когда появятся новые виды деятельности, вызванные отчасти изменениями в биосфере и, очень во многом, в народонаселении, технике и способах хозяйствования, которые приведут к рождению большого количества качественно новых институтов. Произойдет не просто расширение старых, а появление качественно новых институтов, которых ранее не было. Это совпадает с активным выделением отдельных отраслей хозяйства, идеологии, политики, культуры и т.д. Каждая отрасль жизнедеятельности человека как бы потребует для себя самостоятельного институционального оформления, и эта потребность будет услышана. Правда, этот взрыв будет ничто по сравнению с тем, который наблюдается в неогене. Особенность неогеновой институциональной революции состоит в том, что институты как бы оторвутся от той самой материальной основы – общественного разделения труда, которая выступила основанием к появлению институтов вообще и сопровождала их развитие. Теперь в неогене институты как бы создают сами себя, формируя своеобразные деривативы.

личий доходчиво изложены в книге: Акимушкин И. Проблемы этологии. М.: Молодая гвардия, 1985.

¹ Эта особенность станет понятной, когда разовьется система институтов человека. Поведение (= институты) животных останутся прежними, тогда как у человека произойдут радикальные изменения, т.е. даже, казалось бы, одни и те же институты (правила поведения), которые мы находим у человека и сообщества людей в первобытном обществе и в постиндустриальном обществе при сетевых или иерархических социальных организациях, различаются радикально, тогда как у животных, даже оторвавшихся от своей привычной среды и переселившихся в среду людей, базисные правила остаются неизменными. Это и есть признак фундаментальных различий, который образуется в силу того, что животные не способны создавать институты, тогда как человек может создавать их, потому что первые, преимущественно, если не исключительно, способны лишь адаптироваться к изменяющимся условиям, тогда как человек изменяет эти условия сам, априори создавая соответствующие правила поведения.

Так называемый палеолитический синкретизм социальных институтов, при котором один и тот же институт выполнял в обществе различные регулятивные функции: моральную, социополовую, судебную, религиозную и т.д. и в т.ч. хозяйственную, постепенно дифференцируется, в результате чего выделяются новые функции и создаются новые виды и подвиды институтов. Сам процесс видового разнообразия институтов до конца не изучен и не исследован механизм, формирующий это многообразие.¹ Непонятно, что лежит в основе появления новых видов институтов: дифференциация старых или же создание новых, т.е. лежит ли в основе видового разнообразия принцип комбинаторики или же принцип сборки.² Практика показывает, что и то и другое направление встречаются в институтогенезе достаточно часто и независимо друг от друга. Но что является основанием для формирования разнообразия институтов? Отделаться своеобразным трюизмом: потребность в институтах вызывает развитие предметной деятельности или развитие производительных сил и общественное разделение труда, по-видимому, недостаточно в силу того, что потребуются ответить на вопрос: как получается, что, во-первых, один и тот же институт может быть использован в решении разных задач и в разное время, во-вторых, созданные институты могут вообще не найти применение на практике? Из этого следует, что не все определяется предметной деятельностью. Иногда следует включать в процесс институтогенеза сознание и мышление. Не означает ли это, что институты создаются путем комбинирования различных норм, находящихся внутри них? Первый подвернувшийся ответ – вполне возможно. Но тут же возникает вопрос: что представляют собой эти первичные элементарные структуры («кирпичики»), из которых формируются институты?

Метафизика институтов. Анализ различных институтов и обобщение имеющихся практик показывает, что в основе всех институтов лежит одно базовое положение: «если – то – иначе».³ Первый член отношения – «если», предполагает три варианта развития: прямое (делать, отвечать,

¹ Какие-то предположения (и в целом достаточно логичные) можно найти в работах отечественных и зарубежных авторов. Например, Тамбовцев В. Возникновение институтов: методологоиндивидуалистский подход // Вопросы экономики. 2010. №11.

² Хайтун С. Социальная эволюция, энтропия и рынок // Общественные науки и современность. 2000. № 6.

³ Более подробно данный аспект излагается: Ивин А. Логика норм. М.: МГУ. 1973, Кудрявцев Ю. Нормы права как социальная информация. М. 1981, Рахаев Б. Очерк эволюции аграрных институтов России. М.: Экономика. 2007.

принимать и т.д.), обратное (не делать, не отвечать, не принимать и т.д.) и косвенное. Соответственно и второй член – «то» – также имеет свои варианты, каковыми могут быть: *прямое следование, прямое возражение, косвенное следование, косвенное возражение*. Третий член отношения – «иначе», предполагает санкции (или внешнее принуждение к исполнению) или транзакции, которые получает субъект отношений. Он также содержит свои варианты, выраженные в экстерналиях.

Перечислить все многообразие объектов, которое производится с помощью указанного положения, по-видимому, невозможно и поэтому, не питая иллюзий относительно решения такой задачи, обратимся к конкретной ситуации.

У общества (его различных структур) во всякое время имеется множество хозяйственных институтов. Хозяйственные институты имеют разный социальный статус и размещены на различных уровнях системы общества. Отличие хозяйственных институтов друг от друга состоит, во-первых, не в функциях, которые они выполняют в обществе, а в том, насколько «четко» представлен в них императив «если – то – иначе» и каков тот «тоннель возможности», который он создает, во-вторых, какими связями повязаны содержащиеся в каждом институте нормы. Исходя из этого, очевидно, что в каждом институте содержатся разные «объемы» информативных сетей. Отсюда следует, что основой разнообразия выступает не комбинаторика норм, а нечто другое и суть эволюции институтов состоит не в элиминировании худшего путем рационального отбора норм и т.п., а в «ступенчатом освоении» качественной новизны, содержащейся в возрастающей сложности институциональных кластеров за счет продуктивной комбинации базисных норм и институционального микроокружения. Это означает, что не комбинаторика базисных норм в институтах, а комбинаторика институтов в кластерах, между кластерами и в более общем пространстве представляет собой естественный путь эволюции институтов и получения так называемых «нужных» или прогрессивных институтов.

Последний пункт требует пояснения. Обобщение индивидуальных и коллективных практик указывает на то, что эволюционные сдвиги в институтах начинаются с поведения индивидуумов и закрепляются в единой коллективной памяти вида *homo sapiens*. Впрочем, на различных этапах развития вида, когда вид фактически был локализован в определенные географические, а затем (и по настоящее время) в социальные простран-

ства (этнические, религиозные, профессиональные и проч.), эволюционные сдвиги в институтах начинались с поведения индивидуумов и закреплялись в коллективной памяти племени, рода, народа и т.д. до этноса.¹

Очевидно, что мы все еще находимся на той ступени развития, когда у человечества нет единой институциональной системы; она существует как мозаика или как множество индивидуальных, коллективных, групповых, словом, пространственно локализованных институциональных систем. Но что характерно: новые качества у быстро прогрессирующих видов институтов не связаны с созданием нового набора норм. Как отмечено выше, они у всех институтов одни и те же.² Оно связано с расширением информационной сети прежде всего за счет формирования ее новой конфигурации и архитектуры. Таким образом, эволюция быстро прогрессирующего института или его вида не реализуется за счет формирования новых норм, она происходит за счет новых связей существующих институтов, новой их конфигурации в институциональной системе общества или же некотором локальном видовом институциональном пространстве.

Изучение внутренней структуры хозяйственных институтов приводит нас к выводу, что в основе любого хозяйственного института любого общества лежат одни и те же принципы. Базовые (элементарные) принципы-правила: одно запретительное или ограничивающее, другое побуждающее или стимулирующее. Они выражаются терминами: «если», «то», «иначе» и их представителями на других уровнях, например, «делай/не делай».³ Эти правила, лежащие в основе всякого института, каким-то образом становятся, с одной стороны, правилами организации, с другой, разрушения/смерти хозяйственных институтов. Но они же выступают главными фиксаторами неизменности и в тоже время главными трансляторами перемен, а институт – своеобразным фиксажем этих перемен. В то же время «устройство» хозяйственных институтов сильно отличается от условий их возникновения и функционирования и поэтому механически перенести условия возникновения в механизм функционирования, по-видимому, ошибочно. Дело в том, что различные хозяйственные институты могут возникать в результате нерешения или отсутствия эффективного

¹ Социальные институты эволюционируют вместе с био- и ноосферой в единых сигнальных сетях и самые важные перестройки в хозяйственных институтах начинаются на самых верхних уровнях биосферы/ноосферы. Это обстоятельство служит основанием, объясняющим взрывной характер появления институтов в неогене.

² Более того, они одни и те же даже у разных видов институтов, т.е. видовое разнообразие базируется не на нормах, а на связях институтов.

³ Рахаев Б. Очерк эволюции ... Указ. соч.

решения некоторого комплекса хозяйственных задач при существующей системе хозяйственных институтов. Например, та же приватизация всюду появляется как следствие неэффективности государственного управления, а закон Шермана, известный еще и как принцип развития конкуренции, предполагающий ограничение в концентрации ресурсов в руках одного субъекта, появляется скорее с целью стимулировать более эффективное производство, чем с целью наказания непорядочных производителей. Что же касается «устройства» института, то оно состоит из ограничительных/запретительных и разрешительных/стимулирующих норм, которые организуются по правилу: если – то – иначе. Поэтому общество в каждом «хозяйственном поколении» избавляется от ненужных, неэффективных или же не оправдавших себя институтов, но никогда не может избавиться от норм и алгоритма, лежащих в основе «устройства» институтов. В нормах, попавших в новые условия, фиксируются изменения, а новизна осваивается новыми поколениями институтов.

В палеогене происходило формирование основных элементов института – норм и базовой модели: если – то – иначе. Но в нем количество, как и разнообразие институтов ограничено, в силу ограниченности факторов, стимулирующих образование институтов. Там были созданы основные и самые древние институты, которые, по сути, у всех народов одинаковы и которые являются базисными в институциональной системе любого этноса, т.к. они связаны с процессом биовыживания и этноса и индивида. Однако, по мере усложнения связей людей с внешней средой, эта особенность приводила к выработке новых институтов, регулирующих (регламентирующих и нормирующих) поведение индивидов в группах и в различных ситуациях. Эти новые институты должны были «вступать в контакт» со старыми и образовывать новые связи. Сложная система взаимосвязи отдельных правил, приводящая к образованию своеобразных «информационных сетей», подгоняла поведение институтов под разный контекст сигналов внешней среды. В результате институт приобретал структуры, ответственные за поведение самих институтов. Такой структурой и стала модель: если – то – иначе. Исходя из этого, мы делаем вывод о том, что сложная функциональная информация хранится не в отдельных нормах, содержащихся в основе института, а в сложных сетях, собранных из сигналов – реакции внутренней структуры института на внешнюю среду. Полагаем, что эта информация для каждой эпохи оказывается индивидуальной. Более того, она может оказаться индивидуальной даже для этноса, а возможно, даже и для индивида. В результате у человечества формируется своеобразная многоуровневая информационная система, которая заложена в институциональных сетях. Эти сети структурированы и не хаотизированы.

Такое положение означает, что каждый институт может эффективно существовать в своей информационной среде (сети) и выглядит своеобразным курьезом в чужой. Например, рабство как институт вполне эффективен в условиях рабовладельческой общественной формации; выдающиеся достижения в науке, искусстве, политике, экономике, общественном устройстве и т.д. античности, да и не только, связаны с рабовладением, и кто его станет осуждать? Но перенесение института рабства в иную информационную сеть создает курьезы или вовсе негативы, признать которые следует отнюдь даже не будучи моралистом. Нынешние дискуссии о демократии, кстати, развиваются в том же русле. Следовательно, эффективность института определяется информационной сетью, в которую он входит, а не тем, из чего он состоит. Поэтому оценивать различные институты и тем более развивать их: создавать новые, избавляться от старых и т.д., становится возможным в результате взаимодействия между информационными сетями, а не в результате компоновки базисных норм. Полагаем, что здесь имеет место своеобразная горизонтальная интеграция, т.е. институты организуются в сети по горизонтали, и, по-видимому, не вступают в вертикальные контакты. Например, каннибализм в современных обществах осуждается и придается остракизму, т.е. исключается как явление общественной жизни с помощью новых институтов; они как бы лишают каннибализм информационных ресурсов; он существует, но не как реальность, а как музейный экспонат. Стало быть, новая система институтов (новая информационная сеть) не допускает институт каннибализма. И причем это делается не где-то там на локальном уровне (в микросистеме института), а по всему, как говорят, фронту, т.е. горизонтально. Но оно не отвергает его в качестве исторического и этнографического феномена и факта. Полагаем, что это говорит о наличии горизонтальной связи в институциональных сетях.

Сетевой характер институтов означает, что, во-первых, институты существуют (и, по-видимому, могут существовать) исключительно как некоторые кластеры («пучки», «кусты», «семьи») и никогда одиночно и изолированно, во-вторых, кластеры объединяются в горизонтальные сети; кластерные области выстраиваются в институциональные цепи (длинные, короткие, сверхкороткие и проч.). Можно предположить, что институциональные цепи (кластеры) мономеры.

Возникает, однако, вопрос: откуда этот сетевой, неиндивидуальный характер у институтов? По-видимому, это свойство не вытекает из так

называемой внутренней структуры института, а представляет собой выражение связей институтов между собой, имеющей своеобразное свойство эпигенетической памяти.¹ Поясним.

Вся «история» взаимодействия индивидов и их групп и окружающей среды (которую составляют также и сами индивиды) сохраняется в институциональных сетях, но никак не в институте.² Поэтому когда пытаются внедрять (имплантировать) какой-либо институт, то он может оказаться казусом, т.е. отвергнутым; система отторгает имплантируемый институт, но не потому, что тот плох или хорош в принципе (т.е. модельно), а потому, что не вписывается в существующую институциональную сеть своими параметрами: емкостью, конфигурацией, мощностью и т.д. А это происходит потому, что на такую имплантацию отсутствует соответствующая эпигенетическая память. Другой вариант – когда привитые институты оказываются низкоэффективными, а то и вовсе неэффективными, что приводит к падению эффективности в целом институциональной сети. Примеров сколько угодно в любом обществе в любой период. Объясняется такая реакция общества (и индивидов) – восприятием сигналов новыми институтами, которые циркулируют по институциональным сетям.

Эпигенетика поведения института носит генетический характер, т.е. передается как бы по наследству в ходе размножения института. Причем существующие нормы, находящиеся внутри институтов в свернутом («законсервированном») виде, остаются в таковом состоянии до тех пор, пока новые эпигенетические сети «не запустят» новые «цивилизационные программы» поведения общества и индивида. В частности, замечается, что институты, созданные в одну эпоху (или для одного этноса) могут иметь совершенно ничтожное значение, но как только меняется эпоха (появляется другой этнос), то проявляют свой прогрессивный/регрессивный характер и выступают двигателем общественного прогресса. Например, так называемый «план Сперанского» при Александре I и Александре II, «столыпинская реформа» при Николае II и в 90-е гг., «косыгинская реформа» в 60-е и 80-е, институциональные реформы 90-х и институциональные реформы 2000-х и т.д. Словом, значение института определяется институциональным контекстом и тем, что он несет в себе для институциональной системы. Однако характерно, что даже небольшие сбои «цивили-

¹ Рахаев Б., Ра Ха Ев. Институты... Указ соч.

² Накапливать и содержать такое большое количество информации в отдельном или некоторой даже совокупности институтов невозможно. Реально и под силу такое лишь сетям, а не ячейкам, т.к. объем сети, по сути, безграничен или бесконечен, тогда как объем любого элемента ограничен или конечен.

зованных программ» приводят к немедленной активизации эпигенетики палеолита. Эту особенность можно наблюдать на примерах из указанных выше эпох. В отношении этноса эта особенность проявляется еще более рельефно.¹ Словом, при любых критических ситуациях (сбоях «цивилизационных программ») актуализируется механизм, способствующий возврату в предшествующие периоды истории, возвращению к тому, что будто бы уже отжило и преодолено.

Однако, если с социальными институтами это более или менее понятно, то как обстоит дело с хозяйственными? Очевидно, точно так же. То есть при сбое «цивилизационных программ» общество прибегает к старым испытанным хозяйственным институтам. Эту особенность продемонстрировал последний глобальный финансовый (экономический) кризис и практика антикризисных программ. От либеральных США до коммунистического Китая, все обратились к «испытанным методам». Но то же самое происходило и в прошлом веке.² Не менее примечательна (и показательна) практика перехода к рыночной модели, получившей название

¹ Изучая историю любого народа (этноса), можно обнаружить одну особенность в его поведении: в условиях резких социальных, экономических, политических, демографических, экологических и прочих трансформаций обнаруживается, что вместо того, чтобы двигаться вперед, принимать новые законы, избавляться от старых, народ вдруг обращается к своей истории и начинает доставать из запасников старые институты. Повидимому, причина такого обращения состоит в наличии своеобразной эпигенетической памяти, которая хранится в институциональных сетях и называется «историческая память». Поэтому народы в моменты кризиса, связанного с неопределенностью будущего и с состоянием, когда «земля уходит из под ног», обращаются не к «светлому будущему», а к традиционным институтам, к прошлому, «плачут о котлах с мясом». Но это, как правило, те институты, которые сложились, когда народ обрел себя как субъект истории, т.е. выработал «национальное самосознание». Другой важный аспект – в различные эпохи создаются сети институтов и формируется эта самая эпигенетическая (или надисторическая) память как выражение своеобразного наслоения исторических эпох друг на друга. Однако порой, как, например, у многих народов Российской империи, но и не только, которых буквально «втаскивали» в новую цивилизацию, знакомство с новой «цивилизационной программой» произошло не путем эволюционного развития, а путем «перескока» через ступени естественной эволюции. Поэтому у этих народов, а этой участи не избежал ни один народ, образовались значительные «пробелы» между системами институтов. По крайней мере, старые системы институтов «провисли» и оказались не закрепленными с новыми. Поэтому когда образовался сбой в «цивилизационной программе», их «бросили», что называется, на полпути, то они обратились к своим исконным историческим институтам, ища в них свое спасение. Эта особенность в 90-е и нулевые годы рельефно проявилась у народов Северного Кавказа, что поставило в тупик российскую власть.

² Например, памятна «Великая депрессия», и заслуга Дж.М. Кейнса в том и состоит, что он первым в систематическом виде изложил этот механизм, носящий ныне его имя. Но в целом это естественная практика.

«Вашингтонский консенсус», в России, государствах бывшего СССР и Восточной Европы. Сбои «цивилизованной программы» были особенно очевидны на территории государств бывшего СССР. Очевидно, что и на бытовом индивидуальном уровне отмеченная выше особенность проявляет себя не менее заметно. Речь идет о том, что в периоды резких трансформаций люди «достаю́т из сундуков» «старые порядки», т.е. не отдельные институты, а целые кластеры, и, возможно, даже институциональные сети.

Итак, исходя из информационно-синергетической парадигмы нами предложено рассматривать институты в качестве социальных коммуникаций, по которым циркулирует в обществе информация. Следовательно, институты являются информационными сетями общества. Обобщение различных аспектов институциональной истории через призму выдвинутой гипотезы позволяет высказать некоторые соображения не частного характера. *Первое* – за историческое время происходит рост количества институтов и рост объема институционального пространства в обществе. Количество институтов растет пропорционально величине e^t . *Второе* – растет не только число институтов, но также и накопленная в их сетях информация. Причем, очевидно, что информационная емкость институциональных сетей возрастает в геометрической прогрессии и может быть описана известным законом Шеннона. Другое дело, что существует и действует правило, (кстати, также институционального характера), состоящее в том, что если количество институтов в любое время ограничено (т.е. не безгранично), и поэтому общество в любое время может иметь (создать и эксплуатировать) лишь определенное количество институтов, то объем информации, который несут институты в любое время, безграничен. Но здесь же следует новое правило, определяющее пропорцию: количество институтов во всяком последующем периоде всегда и везде оказывается больше (или не меньше), чем в предыдущем.¹

Кроме приведенных выше так называемых общих правил можно сформулировать также и ряд так называемых прикладных правил.

Правило первое: в институционально хозяйственно бедной среде эффективно работает принцип минимизации наихудшего, тогда как в среде институционально богатой работает принцип максимизации наилучшего. Это правило подтверждается как на историческом материале, так и на современном. Изучение этнографических материалов по различным обществам и историческим периодам указывает на то, что институты

¹ Исходя из чего заманчиво вывести некий количественный закон. Напрашивается использовать ряд Фибоначчи и сформулировать правило: каждый последующий период содержит институтов в объеме равном (или не меньше) сумме двух предыдущих.

первобытного общества как более скупые по своим объектам и примитивные по механизму сохраняются более долгое время и там в целом мало так называемых «бракованных» институтов. В архаичном или традиционном обществе количество «бракованных» институтов уже больше. В модернистском обществе доля «бракованных» институтов вообще оказывается большой (она может даже превосходить количество эффективных). Примерами двух типов (институционально бедной и богатой среды) могут служить две модели: командно-административная при авторитарном режиме правления и рыночная с демократическим правлением. В командно-административной авторитарной системе (о чем свидетельствует история нашей страны, особенно ее отдельных исторических периодов, хотя не менее показательны примеры КНДР или же Китай эпохи империй), бедной на видовое многообразие институтов, намного легче и эффективнее выявлять, например, «худшие» предприятия и организации, в силу наличия того самого критерия эффективности, который тестируется в системе ее коммуникаций. Но поэтому же бедное видовое разнообразие институтов создавало экономическое отставание (отставание во внедрении достижений НТП и НТР, разработки новых видов и образцов продукции и т.д.) стран с такой моделью. Напротив, в экономических системах рыночного демократического типа, позволяющих и предполагающих рост видового и внутривидового многообразия хозяйственных институтов, создаются основы конкуренции и образуется возможность накапливать и отбирать наилучшие образцы. Поэтому страны рыночной экономики и демократической формы правления опережали страны с командно-административной системой и авторитарной формой правления не только в области создания многообразия новых видов изделий (т.е. образцами новой продукции), но также и качеством. В них также имелись худшие как по видам изделия, так и по качеству образцы, но много было новых, и поэтому речь шла не о поимке тех, кто плохо делает, а о стимулировании (через сознательный выбор самих потребителей) тех, кто делает хорошо и новое. Те же, кто делал плохо и плохое, сами собой отмирали в силу того, что не могли одолеть «барьер существования», называемый конкуренция.

Правило второе: чем больше количество институтов, тем выше число «бракованных». Между числом «бракованных» институтов и общим числом институтов существует пропорция, согласно которой число «бракованных» институтов не может превышать общего числа институтов.

Правило третье: в богатых информационных системах (т.е. системах, в которых имеется большое количество, а главное, видовое разнообразие институтов) силы адаптации и выживания различных институтов в эконических приобретают характер симбиоза либо кооперации. Напротив, в информационно бедных системах (состоящих из небольшого количества

и небогатого видового разнообразия) выживание институтов приобретает характер социальной мимикрии. Поэтому в первом случае выживание равносильно созданию нового, тогда как во втором – имитации и тиражированию существующего. Принципом существования в первой среде становится многообразие, тогда как во второй – однообразие.

Принятый нами контекст – рассматривать институты как сгустки информации и как механизмы (инструменты) формирования новых сигнальных сетей (внутри и между институтами), предполагает, во-первых, изменение взгляда на природу и характер данных социальных объектов, во-вторых, (теперь уже позволяет) решить одну из наиболее важных и до конца не решенных с позапрошлого века проблем: как общество снимает нарастающую энтропию? Ведь если принять (а это делается в целом ряде теорий и практик), что общество представляет собой термодинамическую систему, то, в соответствие со вторым законом термодинамики, в нем должен происходить постоянный рост энтропии, нарастать объем противоречий и проч., и, в конце концов, должна наступить так называемая термодинамическая смерть. Летописная история не обделена конкретными датами наступления «конца света». Правда, она же указывает на то, что общество все их благополучно преодолевало. Новые расчеты, на основе новых научных гипотез, предсказывают новую дату «конца света». Предлагается логически обоснованное (основанное на термодинамической парадигме) объяснение; кажется, все параметры сходятся в одной точке – дате «конца света», которая приходится на 2012–2014 гг. Но беспристрастная оценка состояния основных индикаторов развития общества с точки зрения именно термодинамической парадигмы дает основание признать эту дату «очередной», в силу того, что общество, как оказывается, имеет инструмент (механизм) выноса энтропии и причем вовсе не за счет разрушения, как иногда представляется апологетам вандализма, а путем созидания. Институты как информационные сети выступают в качестве этих самых инструментов, снижающих уровень энтропии в обществе и задающих новую траекторию развитию. История Европы еще до, но главным образом, после Первой мировой войны, как нам кажется, может быть принята в качестве примера, подтверждающего данный вывод.
